

Стивен УИЛЬЯМС

ЛИБЕРАЛЬНАЯ
РЕФОРМА
ПРИ НЕЛИБЕРАЛЬНОМ
РЕЖИМЕ

История (Социум)

Стивен Уильямс

**Либеральные реформы
при нелиберальном режиме**

«Интермедиатор»

2008

УДК 94(47)»19»:32.001
ББК 63.3(2)52+66.0

Уильямс С. Ф.

Либеральные реформы при нелиберальном режиме /
С. Ф. Уильямс — «Интермедиатор», 2008 — (История (Социум))

ISBN 978-5-91603-571-1

В книге американского юриста Стивена Уильямса рассказывается о том, как, начиная с 1906 г., накануне Мировой войны и катастрофической революции, русское правительство предприняло, вероятно, самую массовую «приватизацию» в истории, радикально изменив режим собственности, в условиях которого жили 90 млн крестьян. Предпринятое автором исследование реформ в сфере прав собственности раскрывает преимущества и слабости радикальных преобразований, направленных на создание либеральной демократии и проводимых правительством, которое никак нельзя охарактеризовать ни как либеральное, ни как демократическое. С. Уильямс ищет ответ на вопросы: может ли истинно либеральная реформа успешно быть внедрена «сверху» или она должна осуществляться через «низовую» активность путем формирования общественных групп, которые вырывают у государства? Или же либеральная демократия является продуктом исключительных исторических обстоятельств и не может быть создана нигде, кроме небольшого числа стран? Автор исследует влияние столыпинской реформы на экономическую производительность и социальные отношения, а также слабости процесса авторитарного реформирования – политическую пассивность заинтересованных групп населения, размытость базовых прав и риск ограничиться полумерами. Книга рассчитана на широкий круг читателей, интересующихся российской историей, правами собственности и экономическими преобразованиями.

УДК 94(47)»19»:32.001

ББК 63.3(2)52+66.0

ISBN 978-5-91603-571-1

© Уильямс С. Ф., 2008

© Интермедиатор, 2008

Содержание

От издателя	7
Предисловие	9
Введение	10
Реформа сверху	10
Столыпин: человек, начавший реформы	12
Цели этой книги	16
Глава 1	18
Сущность реформ	18
Либеральная демократия	19
Права собственности, гражданское общество и либеральная демократия	22
Пути перехода к либеральной демократии	24
Либерализация прав собственности в царской России	29
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Стивен Уильямс
Либеральные реформы
при нелиберальном режиме
Создание частной собственности
в России в 1906–1915 гг.

© АНО «ИРИСЭН», 2009

От издателя

Автор предлагаемой вниманию русскоязычного читателя книги, выходящей в серии «История», Стивен Уильямс – не академический ученый, а практикующий юрист. В настоящее время он является старшим окружным судьей Федерального апелляционного суда в округе Колумбия. Он был назначен в этот суд президентом Р. Рейганом в 1986 г. и получил статус старшего судьи в 2001 г. До того как стать судьей С. Уильямс занимался частной юридической практикой, занимал административные должности, а также преподавал право в должности профессора в нескольких университетах США.

Книга «Либеральные реформы при нелиберальном режиме» представляет собой попытку осмысления исторического опыта на основе проведенных к настоящему времени исследований столыпинской реформы. То, что эта работа выполнена человеком, не принадлежащим к русской культуре по своему происхождению и не являющимся историком по основной специальности, не только не умаляет, но, наоборот, повышает ее ценность: «взгляд со стороны» необходим при осмыслении любой проблемы.

С. Уильямс сосредоточивает свое внимание на ключевом вопросе: если реформа, создающая или закрепляющая право частной собственности, проводится в стране, не являющейся либерально-демократической, то каковы шансы на успех и какие факторы могут способствовать или, напротив, препятствовать достижению целей реформы? Вряд ли у кого-либо могут возникнуть сомнения в актуальности такой постановки вопроса. Пытаясь найти ответ на него для случая столыпинской аграрной реформы, автор привлекает огромное количество материала, содержащегося в исследованиях историков и документальных источниках.

Особый интерес для широкого круга российских читателей, в том числе специалистов, представляет применяемый автором подход к интерпретации исторических и историко-экономических фактов. С. Уильямс работает в парадигме так называемой школы экономики и права, что неудивительно, так как данный подход получил широкое применение именно в юриспруденции, которой автор посвятил свою профессиональную карьеру. Одним из ключевых элементов этой парадигмы является акцент на анализе «транзакционных издержек» – проще говоря, на оценке того, насколько существующие в обществе институты способствуют или мешают достижению соглашений между людьми и выполнению этих соглашений. Неудивительно, что права собственности являются излюбленным предметом применения такого вида анализа: отношения собственности являются отличным общественным механизмом для организации совместной деятельности людей и минимизации конфликтов. В настоящее время существуют работы, в которых анализ транзакционных издержек используется для осмысления истории человеческих обществ, однако в этой сфере мало что сделано применительно к российской истории. Работа С. Уильямса является в этом отношении новаторской и отчасти заполняет этот пробел.

«Либеральные реформы при нелиберальном режиме» – первая книга в серии издательства «ИРИСЭН», целиком посвященная России. По мнению Редакционного совета, она будет интересна широкому кругу читателей, интересующихся российской историей и осмыслением опыта реформ.

Валентин Завадников,
председатель Редакционного совета.
Сентябрь 2008 г.

«...главный довод в пользу личной свободы покоится преимущественно на понимании того, что все мы необходимо и

неизбежно пребываем в неведении о большинстве факторов, от которых зависит достижение наших целей и наше материальное благополучие».
Фридрих Хайек (1889–1992), лауреат Нобелевской премии по экономике 1974 г.

Карта 1.1. Губернии Европейской части России

Предисловие

Когда в декабре 1991 г. пал Советский Союз, неизбежно возник вопрос об историческом опыте России в проведении рыночных реформ. Из школьного курса европейской истории в моей памяти застряли аграрные реформы премьер-министра Петра Столыпина, позволившие крестьянам перевести свои земельные владения из «общинной» собственности в частную. Попытавшись составить более ясное представление об этих реформах, я обнаружил множество научных работ. Но при этом я не нашел ни общего обзора реформ, предназначенного интеллигентному гражданину, которого интересуют права собственности и развитие либеральной демократии, ни последовательного рассмотрения этих реформ с позиций современного экономико-правового движения [law-and-economics movement]. Так и возник замысел этой книги.

Вначале у меня было две идеи, которые вроде бы противоречили друг другу. С одной стороны, мне представлялось, что добровольная «реформа» сверху вряд ли способна привести к развитию либеральной демократии. Логика здесь простая. Либеральная демократия – это прежде всего распыление власти. Когда новые социальные группы постепенно становятся настолько сильны, что с ними приходится считаться и договариваться, они могут добиться уступок, закрепляющих их положение и институционализирующих их властные позиции. Одновременно, однако, приходится признать, что элиты или самодержцы вряд ли могут добровольно пойти на ограничение своей власти. С другой стороны, реформы Столыпина выглядят как добровольный и ответственный шаг к либеральной демократии. Я решил, что изучение реформ заставит меня пересмотреть хотя бы одну из этих идей – и так оно и получилось.

Я полагался главным образом на публикации – а в важных случаях и на совет и понимание – западных ученых. Хотя я прочел довольно много вторичных источников на русском языке, я не провел серьезного архивного исследования. Моя работа с первоисточниками на русском ограничилась ключевыми документами – указом от 9 ноября 1906 г. и законами от 14 июня 1910 г. и 29 мая 1911 г. Важнейшие положения этих документов я включил в приложение.

* * *

Я хочу поблагодарить за помощь нескольких из большого числа тех людей, которые помогли мне написать эту книгу. Прежде всего Джека Пауэлсона и Джейми Педерсена за то, что они подняли многие вопросы и возбудили во мне интерес к ним; а также Эйба Аскера за то, что он меня ободрял и давал ценные советы. Во-вторых, за всевозможные подсказки и указания в ходе работы – Франка Далберга, Бэзила Кармоди, Стивена Хоха, Янни Котсониса, Леонарда Ролфа, Питера Роудика (из Библиотеки Конгресса). В-третьих, я благодарен друзьям, целиком или по частям читавшим черновые варианты текста, за их полезные комментарии и советы – Игорю Бирману, Джейсону Бордову, Мэри Шеффер Конрой, Дэвиду Гендерсону, Энн Джозеф, Даниэлю Ленерцу, Дэвиду Мейси, Ануп Мэлани, Нику Парилло, Джону Плаффу, Присциле Рузвельт, Мэтту Стивенсону, Дэвиду Стетсону, Питеру Сцентону и Дэвиду Тателу. Должен подчеркнуть свою особую признательность Дэвиду Мейси, поделившемуся со мной своими энциклопедическими знаниями о столыпинских реформах. Дэвид Брегдон проделал героическую работу по упорядочиванию данных об изменениях производительности российского сельского хозяйства, а Жанна Леви очень помогла мне с переводами. Спасибо также двум анонимным рецензентам и Рене Гендерсон, которая внимательным редакторским глазом прошла по всему тексту. И огромное спасибо всем членам моей семьи, которые не только читали и комментировали текст, но и проявили терпимость к моей одержимости этой работой.

Введение

Реформа сверху

9 ноября 1906 г. правительство России издало указ, разрешивший 90 000 000 русских крестьян¹ приступить к сложному процессу преобразования своих прав собственности на землю. Указ явился беспрецедентной по масштабам попыткой утвердить режим частной собственности – фундаментальную основу либеральной демократии. Но менее чем через пять лет пуля убийцы настигла премьер-министра Петра Столыпина, поборника приватизации и последнего деятеля царской России, обладавшего видением будущего, энергией, убежденностью и красноречием, который мог бы провести страну через реформы. Через десять с небольшим лет после этого указа Октябрьская революция похоронила частную собственность, либерализм и демократию.

За провал попытки предотвратить революцию пришлось заплатить очень высокую цену, в том числе и крестьянам, которые ответили на столыпинскую реформу именно так, как и ожидал ее автор: умелым и упорным трудом. Один из крестьян позднее поведал сокамернику уже в советское время:

«У меня было 20 десятин. По-ихнему, значит, я был кулаком. Ладно, зови меня кулаком. Работал я помногу, но, правду сказать, толку было немного. Не умел я взяться за дело. До тех пор, пока мне в руки не попала столыпинская брошюрка².

Может, и не он ее написал, но так их называли...

И опять им стало завидно, и опять они все отобрали, а меня выгнали вон»³.

В 1906 г. по инициативе правительства была начата реформа прав собственности, точнее говоря, начато движение в сторону либеральной демократии, но движение это инициировало правительство, которое никто не назвал бы ни либеральным, ни демократическим. В некоторых отношениях реформа была предельно радикальной. До нее типичной крестьянской семье каждые несколько лет землю нарезали заново, и ее земельный надел представлял собой десятки полосок земли, разбросанных в разных полях, и по-настоящему он не являлся ее частной собственностью. Реформа разрешила крестьянам выходить из общины, объединять эти полоски в единый участок, который становился их наследственным владением. Реформа брала общинный крестьянский мир, который только начинал входить в соприкосновение с рынком, который управлялся еще по большей части нерыночными механизмами, и давала его обитателям возможность приспособиться к правилам и институтам рынка. Она реально могла вырвать крестьян из изоляции и впервые в истории страны сделать их полноценными гражданами российского общества.

У этой книги две основные задачи: дать четкое изложение основных особенностей реформы и ответить на вопрос: действительно ли либеральная реформа сверху – оксюморон. Их противоположностью являются либеральные реформы, проводимые под давлением низов – реформы, к которым правителя или правящую элиту принуждают группы, прежде лишенные полноты законных прав и не имеющие рычагов для непосредственного влияния на политику. Я лично считаю, что хотя либеральные реформы, добровольно начинаемые элитой страны, могут

¹ David Moon, *The Russian Peasantry, 1600–1930: The World the Peasants Made* (1990), 21.

² Предположительно это была одна из брошюр по агрономии, которые печатало и распространяло правительство, взявшееся за реформу прав собственности. См.: *Бородин А. П.* Столыпин: Реформы во имя России. М., 2004. С. 187–188.

³ *Федоров Б.* Петр Столыпин: «Я верю в Россию». М., 2002. Т. 1. С. 404–405 (цитата из: *Шульгин В. В.* Размышления. Две старых тетради. Неизвестная Россия XX век. Историческое наследие. Кн. I. М., 1992. С. 325.

сыграть нужную роль, им всегда сопутствуют системные ловушки, делающие задачу реформаторов более сложной и тяжелой, а влияние самой реформы более ограниченным, чем всем нам хотелось бы.

Столыпин: человек, начавший реформы

Некоторые утверждают, что Петр Столыпин «сыграл лишь незначительную роль в решении о начале реформы, которая носит его имя»⁴. Это верно, но точно так же можно сказать, что и Франклин Рузвельт «сыграл лишь незначительную роль в создании» системы социального страхования: все идеи реформы были проработаны другими до него; без политической поддержки других он не смог бы приступить к реформе, и очень трудно определить, какие же именно конкретные детали реформы несут отпечаток творческой руки реформатора. Но именно Столыпин был душой и двигателем реформ, именно он защищал их в открытых дебатах, в Думе и в государственном аппарате. Он сделал реформы своими, и он сделал их главным элементом своих планов преобразования России: «Дайте нам 20 лет покоя, и вы не узнаете Россию»⁵.

С учетом того, что он был богатым дворянином и, таким образом, являлся своего рода попечителем местного крестьянства, может показаться, что Столыпин был неподходящим кандидатом на эту роль. Но к роли двигателя изменений его подготовил весь его жизненный опыт, не говоря уж о происхождении. Он родился в 1862 г. в Дрездене, где его мать гостила у родственников⁶. Семья была высокопоставленной и с хорошими связями с начала XVII в.; прадед был другом Сперанского, великого, но неудачливого реформатора начала XIX в., а отец одно время был боевым товарищем Льва Толстого. Столыпин был двоюродным племянником Михаила Лермонтова, одного из величайших поэтов России, а его детство прошло в семейном поместье Середниково, недалеко от Москвы, известном сегодня тем, что в юности Лермонтов несколько раз проводил там лето⁷. Двоюродный брат его отца, Д. А. Столыпин, значительную часть жизни посвятил изучению крестьянской собственности и производительности крестьянских хозяйств и опубликовал много статей на эту тему. Кроме того, движимый надеждой привести крестьян к зажиточности и интеллектуальным любопытством, Д. А. Столыпин использовал собственную землю для экспериментов с методами повышения производительности крестьянского хозяйства. Он, например, сдавал крестьянам в аренду компактные участки земли сроком на шесть лет и с условием, что добившиеся хороших результатов смогут приобрести ее в собственность⁸. С 1874 по 1888 г. Д. А. Столыпин возглавлял комиссию, созданную Александром II для изучения вопросов крестьянского землевладения⁹. Комиссия публиковала внушительные отчеты о своей работе, а главные выводы были изложены в книге Карла Кофода (работал в России с 1878 г., принял русское подданство и имя Андрей Андреевич Кофод. — *Перев.*), датчанина, который позднее активно участвовал в разверстании общинных земель и в проведении столыпинской реформы¹⁰.

Карьера Столыпина была блестящим образцом того, как дворянин мог служить обществу. Он поступил в Санкт-Петербургский университет в 1881 г., в год убийства Александра II, которое вселило в него «глубокое инстинктивное недоверие к российской интеллигенции»¹¹.

⁴ George L. Yaney, *The Urge to Mobilize: Agrarian Reform in Russia, 1861–1930* (1982), 207.

⁵ Тюкавкин В. Г. Великорусское крестьянство и Столыпинская аграрная реформа. М., 2001. С. 167.

⁶ Корелин А., Шаццло К. Ф. П. А. Столыпин. Попытка модернизации сельского хозяйства России // Деревня в начале века: революция и реформа / Ред. Ю. Н. Афанасьев. М., 1995. С. 8.

⁷ См.: Arcady Stolypine, *De l'Empire à l'exile: avant et après 1917. Mémoires* (1996), 19–23 (пишет о родстве с Лермонтовым через общего прадеда, Алексея Емельяновича Столыпина [1744–1810]). См. также: Федоров Б. Петр Столыпин: «Я верю в Россию». М., 2002. Т. 2. С. 194–204.

⁸ Федоров. Т. 1. С. 348; Сидорович Г. Столыпин: Жизнь за отечество. М., 2002. С. 29–37.

⁹ Корелин, Шаццло. С. 8.

¹⁰ Федоров. Т. 1. С. 348. См. также: Тюкавкин. С. 159.

¹¹ Abraham Ascher, *The Revolution of 1905: Authority Restored* (1992), 219.

Здесь он изучал естественные науки, в том числе некоторые труды по табачной промышленности. На последнем устном экзамене он привел в восторг своих экзаменаторов, включая Д. И. Менделеева, создателя периодической таблицы химических элементов. Они забросали его вопросами по темам, которые не были раскрыты в лекциях, и, как говорят, он правильно ответил на все. Экзамен был прекращен Менделеевым, внезапно воскликнувшим, «Господи, что я делаю? Довольно!». Экзаменаторы поставили ему пятерку, высшую отметку в русских учебных заведениях¹².

По выходе из университета Столыпин какое-то время поработал в департаменте статистики Главного управления землеустройства и земледелия, а потом вернулся в одну из губерний, в которых его семья владела имениями: в Ковенскую губернию (ныне город Каунас, Литва). Здесь он становится предводителем дворянства Ковенского уезда и председателем съезда мировых посредников. На этом посту он имел возможность (и активно ее использовал) для участия в решении практических вопросов, затрагивавших крестьян и землевладельцев, таких как соглашения о распоряжении землей. Он также присматривал за крестьянским самоуправлением. В 1899 г. он стал предводителем дворянства всей Ковенской губернии и помог в создании местного сельскохозяйственного общества для выявления и распространения передовых приемов ведения хозяйства¹³.

Положение крупного землевладельца позволило ему понять значение прав собственности. В силу превратностей дорожных маршрутов (а возможно, и плохого состояния российских дорог), в поездках по семейным имениям он периодически попадал на территорию Пруссии. Он был поражен более высокой эффективностью немецкого сельского хозяйства и усердием крестьян, качествами, которые он приписал различию в правах собственности¹⁴. Его понимание связи между правами собственности и стимулами, возникшее в этих поездках или окрепшее в них, осталось с ним на всю жизнь. Будучи премьер-министром, например, он доказывал в Думе, созданной при царе Николае II, что бесконечные переделы земли, на сохранении которых настаивали левые круги, уничтожают заинтересованность крестьян в улучшении своих (временных) наделов и лишают их возможности пробовать новые методы ведения хозяйства; он сравнил эту ситуацию с тем, как отсутствие прав собственности на воду и воздух не позволяют людям заботиться об улучшении их качества¹⁵. В самой Ковенской губернии, являвшейся частью Балтийского края, права крестьян на земельные «наделы» (земли, которыми они владели в качестве крепостных) были наследственными и переделу не подлежали. Но имела место чересполосица, и он убедил крестьян нескольких деревень договориться об обмене и объединении участков, чтобы избежать разбросанности участков и связанных с этим неудобств¹⁶.

В 1902 г. Столыпин был назначен губернатором Гродненской губернии, став самым молодым губернатором в России. Через десять месяцев пребывания на этом посту его перевели на должность губернатора Саратовской губернии. Поскольку Саратовская губерния была достаточно велика, у него теперь не было промежуточного звена между ним и санкт-петербургским правительством. В 1904 г. в докладе Николаю II о положении дел в Саратовской губернии Столыпин писал, что правительству следовало бы преобразовать общинное землевладение и создать класс независимых хуторских крестьян; при этом он использовал те же экономические и политические аргументы, которыми позднее продвигал реформы, будучи уже на посту

¹² Abraham Ascher, *P. A. Stolypin: The Search for Stability in Late Imperial Russia* (2001), 16.

¹³ Сидоровичи. С. 45, 48.

¹⁴ Maria Petrovna von Bock, *Reminiscences of My Father, Peter A. Stolypin* (1970), 22 (рассказывает о его сопоставлениях и говорит, что эти наблюдения «послужили основой» последующих реформ) [см.: Бок М. П. Воспоминания о моем отце П. А. Столыпине. Нью-Йорк: Издательство им. Чехова, 1953]. См. также: Ascher, P. A. *Stolypin*, 19.

¹⁵ См.: Столыпин П. А. Нам нужна великая Россия: полное собрание речей в Государственной Думе и Государственном Совете, 1906–1911. М.: 1991. С. 89 (речь от 10 мая 1907 г.).

¹⁶ Сидоровичи. С. 48.

премьер-министра. Николай написал на полях: «Выраженные здесь взгляды заслуживают внимания»¹⁷. До революции 1905 г. Столыпину удавалось гасить незначительные крестьянские волнения, не прибегая к арестам или порке – обходилось разговором с зачинщиками беспорядков¹⁸. Революция вывела его на передний план, потому что он умел сочетать твердость в подавлении беспорядков с признанием необходимости реформ и стремлением входить в соглашения с умеренными элементами¹⁹.

Нам известен ряд эпизодов, иллюстрирующих способность Столыпина сохранять хладнокровие перед лицом опасности. В одном случае он врезался во взбудораженную толпу, его осыпали бранью и угрозами, и один «здоровенный малый» подскочил к нему с дубинкой. Столыпин снял шинель и протянул этому человеку со словами: «Подержи-ка это». Человек бросил палку и взял шинель. После чего Столыпин развернулся к толпе и приказал ей разойтись; ошарашенные люди разошлись.

В другой раз, когда он выступал перед мятежной толпой, какой-то человек направил в него револьвер. Столыпин распахнул пальто и сказал: «Стреляй». Приведенный в замешательство революционер опустил руку с оружием²⁰. Даже злейшие враги признавали за Столыпиным личное мужество²¹.

По-видимому, именно проявленная им способность сдерживать беспорядки и стремление устранить некоторые из возможных их причин убедили Николая назначить Столыпина на пост министра внутренних дел в апреле 1906 г. и добавить к нему пост премьер-министра в июле того же года.

Большинство наблюдателей отмечают красноречие и находчивость Столыпина-оратора, о чем трудно с уверенностью судить тому, для кого русский язык не является родным. Однако ясно, что он умел зажечь аудиторию. Стенограммы его речей в Думе пестрят такими примечаниями: «оглушительные аплодисменты центра и правых», «крики “браво”» и «бурные аплодисменты центра и правых». Из этих примечаний следует, что его язык приводил к поляризации аудитории. Все самые знаменитые места из его выступлений строятся на антитезах. Три цитируются повсеместно. «То, что говорят [революционеры], сводится к двум словам – “руки вверх!”». И на эти два слова правительство с полным спокойствием и уверенностью в своем праве может ответить двумя словами – “не запугаете”»²². Обращаясь к своим недоброжелателям в Думе, он сказал: «Вам нужны великие потрясения. Нам нужна великая Россия». И, наконец, реплика, которую мы впоследствии разберем детально, брошенная в ходе дебатов об аграрной реформе и крайне полемичная (преимущественно в силу сознательных искажений существа дела противниками Столыпина): «Мы делаем ставку на сильных и крепких, а не пьяных и убогих».

Пребывание Столыпина на высших постах было недолгим. Ряд стычек по политическим вопросам, в том числе из-за Распутина, развращенного сектанта, которого императрица боготворила, веря, что он спасает царевича от гемофилии, сделали его врагом могущественных придворных клик и ослабили поддержку со стороны царя. Неизвестно, смог бы он выпутаться из этих политических проблем. 1 сентября 1911 г. в Киеве, куда он приехал в свите Николая II, он вечером был на опере Римского-Корсакова «Сказка о царе Салтане»; его место было в партере, недалеко от ложи императора. Обеспеченный студент – имевший связи с эсерами, анархистами и тайной полицией – подошел к нему и дважды выстрелил в него из револьвера

¹⁷ Корелин, Шаццлло. С. 11–12; Ascher, P. A. *Stolypin*, 56–59.

¹⁸ Ascher, P. A. *Stolypin*, 56–59, 42–43. См. также: Сидорович. С. 96–97.

¹⁹ Thomas Fallows, “Governor Stolypin and the Revolution of 1905 in Saratov”, in *Politics and Society in Provincial Russia, Saratov Province, 1500–1917*, eds., Rex A. Wade and Scott Seregny (1989), 160–190.

²⁰ Ascher, P. A. *Stolypin*, 60.

²¹ См., напр.: Вумме С. Ю. Воспоминания. М., 1960. Т. 3. С. 446.

²² Корелин, Шаццлло. С. 20.

(возможно, он не стал стрелять в царя, потому что опасался, что тем самым вызовет еврейские погромы)²³. Столыпин умер вечером 5 сентября, и его последними словами были: «включите свет».

История Столыпина глубоко трогательна. Он был последним царским премьер-министром, стремившимся к реформам и обладавшим нужными интеллектуальными и личными качествами, чтобы довести их до конца. Таким образом, его пребывание во главе правительства было последним реальным шансом России провести превентивные реформы и избежать Октябрьской революции 1917 г.

²³ Ascher, P. A. *Stolypin*, 380.

Цели этой книги

Сегодня в связи с аграрными реформами Столыпина возникает множество вопросов. Россию, которая отказалась от семидесятилетнего коммунистического эксперимента, манят предреволюционные попытки реформ, но здесь не все ясно. Следует ли рассматривать столыпинские реформы как образец для подражания или как опыт неудачи? В более общем плане, если либеральный сегмент элиты *любой* нелиберальной страны стремится изменить национальную систему прав собственности в направлении к либерализму, с какого рода проблемами эта элита, вероятнее всего, столкнется? Или зададим вопрос по существу: можно ли рассчитывать, что взявшаяся за реформы элита, практически не испытывающая сильного давления снизу, доведет до конца политику, которая приведет к распылению власти, характерному для либеральной демократии, тем самым уменьшив свою собственную власть?

Столыпинские реформы уже давно возбуждают споры. Значительная часть критики, начиная с Ленина, сводилась к приписыванию низменных мотивов сторонникам реформ. Подобной критикой можно спокойно пренебречь. Мотивы, стоявшие за действиями исторических персонажей, – тема чрезвычайно любопытная, но безумно неуловимая. К чему бы на самом деле ни стремились Столыпин и его коллеги, все радеющие об общественной пользе сторонники реформы прав собственности в любой нелиберальной стране обречены столкнуться с теми же сложностями и противоречиями, с которыми встретились Столыпин и его команда.

Остальная часть этой книги организована следующим образом. В главе 1 дан краткий очерк реформ и сформулирована главная загадка: конфликт между либеральной демократией, являющейся явной целью этих реформ, и интересами тех, кому принадлежит власть в нелиберальном государстве. Главы 2, 3 и 4 развивают сюжет о реформах. Глава 2 посвящена, главным образом, дореформенной ситуации с правами собственности, чтобы понять возможные проблемы и соответственно причины, по которым они могли вызывать озабоченность. По ходу дела мы познакомимся с истоками дореформенного режима, чтобы понять, почему его сохранение могло считаться полезным. В главе 3 мы познакомимся с положением крестьян накануне реформ, чтобы сравнить реформы с альтернативными вариантами решения «аграрной проблемы». Главы 2 и 3 содержат много статистических подробностей. Те читатели, которых преимущественно интересуют более широкие аспекты реформ, проводимых сверху, могут спокойно их пропустить.

В главе 4 мы присмотримся к главным альтернативным решениям и к их сторонникам, а также к политическим силам, противостоявшим правительству, которое выбрало реформы как замену революции.

Остальные главы, хоть и строятся на материале первых четырех, представляют собой в целом отдельный анализ реформ и связанных с ними аргументов – в той мере, в какой эти аргументы соотносятся с проблемой либеральных реформ в условиях нелиберального режима, а также более широкие размышления об уроках реформ. В главе 5 дано описание самих реформ, и она по необходимости имеет довольно прикладной характер. Поскольку реформы дали крестьянам возможность выбора, их реакция очень важна, а потому мы анализируем степень их согласия и изменчивость согласия в зависимости от региона, времени и размера крестьянских хозяйств.

Уже зная все это, в главе 6 мы обращаемся к главным спорам по поводу реформ. В этих спорах вновь и вновь возникают две главные темы: обвинения в антидемократическом замысле и вопрос о том, не заставляли ли крестьян открытые перед ними возможности принимать идеи правительства о собственности на землю, отказываясь тем самым от своих собственных. Я же пытаюсь объединить эти две темы, постоянно задаваясь вопросом, как выглядела бы политика

правительства, если бы оно решило просто предоставить крестьянам возможность сделать собственный выбор.

Наконец, в главе 7 я предпринимаю попытку более широкой оценки, и при этом меня интересует то, как это сказалось на производительности и на менталитете крестьян, как политика повернула вспять сразу после октября 1917 г. и как большевики в 1922 г. опять пошли примерно тем курсом, который был намечен Столыпиным; как односторонность и узость проявлялись в других аспектах аграрной политики того же периода, и какие выводы можно сделать из столыпинских реформ относительно проводимого сверху курса на либеральную демократию. Наконец, я анализирую усилия по созданию рынков и прав собственности в сельском хозяйстве страны, в которой в течение шестидесяти лет господствовали совхозы и колхозы.

Хотя реформы не были обделены вниманием исследователей, я обнаружил, что было сравнительно мало попыток использовать при их анализе аппарат экономической науки и современный подход к вопросам экономики и права. Центром последнего являются «транзакционные издержки», т. е. все издержки на то, чтобы достичь согласия и провести его в жизнь. Главная идея здесь в том, что если бы транзакционные издержки были нулевыми, исходное распределение прав собственности не имело бы большого значения – стороны сумели бы договориться об эффективных решениях²⁴. Поскольку транзакционные издержки никогда не бывают нулевыми, а очень часто оказываются чрезмерно высокими, при оценке правовых механизмов необходимо исходить из того, как они влияют на способность сторон договориться о разрешении конфликта и, придя к соглашению о перераспределении прав собственности, достичь повышения эффективности. Ведь в конце концов до столыпинских реформ проблема с крестьянскими правами собственности заключалась в том, что они создавали слишком высокие транзакционные издержки, препятствовавшие эффективному использованию земли.

Вопрос о транзакционных издержках играет также ключевую роль в анализе эволюции политических институтов и в усилиях ученых, таких как Дуглас Норт, объяснить, почему либеральные реформы, несмотря на все их явные выгоды, прошли далеко не везде. Но до сих пор проблема либеральных реформ, проводимых руководителями нелиберального государства, редко привлекала внимание авторов.

Эта книга стремится заполнить некоторые лакуны.

²⁴ См.: Ronald H. Coase, "The Problem of Social Cost," J. of Law & Economics 3 (1960): 1—44. [Коуз Р. Проблема социальных издержек // Коуз Р. Фирма, рынок, право. М., 1993. С. 85— 139.]

Глава 1

Создание частной собственности, децентрализация власти

Сущность реформ

Реформы, начатые в ноябре 1906 г., затрагивали крестьянские «наделы», полученные в ходе освобождения от крепостной зависимости. На тот момент они составляли подавляющую часть принадлежавшей крестьянству земли. Было три причины, по которым права собственности крестьян на наделы оказывались скорее коллективными, чем индивидуальными. Во-первых, община периодически осуществляла перераспределение принадлежавших ей земель, чтобы в каждой семье количество земли примерно соответствовало числу рабочих рук. Во-вторых, земельные владения каждой семьи составлялись из полосок, нарезанных на разных полях – порой до пятидесяти, так что обработка земли требовала тесной координации всех операций во времени и использования одинаковых приемов, не говоря уж о том, что некоторые поля находились достаточно далеко от жилья, что требовало затрат времени и сил. В-третьих, собственником (если здесь можно употребить этот термин) была семья, а не отдельный человек, а потому продажа земли и другие операции зачастую требовали согласия всех членов семьи.

Чтобы дать крестьянам возможность защититься от риска потерять землю в ходе перераспределения, столыпинская реформа предоставила главам семей право выйти из общего процесса перераспределения, а общинам – право принимать подобное решение двумя третями голосов.

В целях уменьшения чересполосицы реформы дали крестьянам право требовать нарезки земли в одном месте, т. е. сплошным участком. Отдельная семья имела безусловное право на нарезку отруба, если ее требование об этом совпадало с очередным межеванием общинных земель. В противном случае ее требование могло быть удовлетворено, только если выделение ей сплошного участка не создавало чрезмерных неудобств для всей общины, но тогда община могла расплатиться с семьей деньгами. Кроме того, двумя третями голосов вся община могла принять решение о разверстании всей земли.

Наконец, в целях решения проблемы семейной собственности, реформы предписывали, что решение семьи о выходе из процесса перемежевания влечет за собой установление личной собственности на землю.

Чтобы судить о том, действительно ли эти реформы могли продвинуть Россию к либеральной демократии, нужно иметь некое представление о самой либеральной демократии, а особенно о роли частной собственности и гражданского общества, а также о природе перехода к либеральной демократии.

Либеральная демократия

Поскольку в этой книге предполагается, что либеральная демократия есть вещь в целом желательная, позвольте мне кратко изложить свое представление о ней. Я не собираюсь навязывать читателям собственное определение, а всего лишь попробую установить определенные рамки. В соответствии с задачами этой книги я использую достаточно гибкие критерии, охватывающие и теоретическую модель, в которой государство ограничено ролью ночного сторожа, и современные англо-американские демократии, и дирижистские режимы континентальной Западной Европы.

Если говорить только о правительстве, избираемом людьми на свободных выборах, «демократия» – это сравнительно простая концепция. Но без «либерализма» всеобщие выборы не могут обеспечить свободы, открытости возможностей или справедливости; собственно говоря, без либерализма вообще нельзя быть уверенным, что первые свободные выборы не окажутся и последними.

Либерализм, в моем толковании, требует (по меньшей мере) соблюдения принципа верховенства права, прав частной собственности, свободы слова, энергичного гражданского общества и подходящего склада ума. Эти критерии до известной степени перекрывают друг друга и могут оказаться неполными. О каждом придется сказать несколько слов.

Принцип верховенства права состоит из нескольких элементов:

1) само правительство, чтобы сдержать его хищнические инстинкты, должно быть ограничено рамками закона. (Для того, чтобы подчинить правительство закону, не обязательны суды; иногда достаточно традиций и гражданского общества, как это имеет место в Британии со времен революции 1688 г.);

2) законы должны быть достаточно четкими, чтобы результаты судебных разбирательств были в целом предсказуемы, потому что только при этом условии законы могут быть основой принятия экономических и других решений;

3) суды должны быть независимыми и более или менее беспристрастными;

4) четко определенные права собственности, права, вытекающие из договоров, права, вытекающие из корпоративного управления, и деликтные иски должны обеспечиваться судами, с тем чтобы физические и юридические лица сдерживали свои хищнические взаимные посягательства и могли добровольно сотрудничать в реализации конструктивных замыслов;

5) необходимо формальное равенство перед законом, т. е. не должно быть каст, пораженных в правах.

Второе, права собственности, хоть о них уже и было сказано в связи с принципом верховенства права, заслуживают отдельного обсуждения. Они должны быть достаточно прочными, чтобы собственники могли противостоять хищническим посягательствам государства, и, вообще говоря, и число их должно быть как можно больше, чтобы уменьшить риск взаимных хищнических посягательств собственников. Если в государстве не установлены действенные права собственности, граждане и фирмы могут защищать свои интересы только через патронажные отношения, т. е. посредством неформальных, личных связей с политически влиятельными лицами. Эта система отражена в вопросе, который часто задавали в Советской России: «К кому же ты тогда пойдешь?»²⁵ Иными словами: «Есть ли у тебя высокопоставленный партийный чиновник, к которому можно обратиться за помощью, когда государство или люди

²⁵ См.: Sheila Fitzpatrick, *Everyday Stalinism: Ordinary Life in Extraordinary Times: Soviet Russia in the 1930s* (1999), 110, где она цитирует Надежду Мандельштам: Мандельштам Н. Воспоминания. 1970. С. 119–120. Фитцпатрик описывает патронажную систему в целом на с. 109–114. Стив Хедлунд (Stefan Hedlund, *Russian Path Dependence* [2005]) полагает, что патронажная система установилась в России не позднее середины XVII в. и в полной мере сохранилась по сей день. В главе 7, оценивая воздействие столыпинских реформ, я прихожу к такому же выводу.

начинают тебя травить?» Зависимость клиентов в системе патронажных отношений несовместима с положением человека в либеральной демократии.

В патронажных структурах дружба, связи и сопутствующее лизоблюдство превращаются в жизненно важную валюту. Точная информация, которую, пусть и с небольшими искажениями, поставляют рынки и частная собственность, редка, хотя она имеет критически важное значение для принятия экономических решений. Не имея информации об относительных ценах, управляющий или предприниматель не может принять решение об оптимальной структуре поставок или производства. Поскольку в патронажной системе такого рода информация редка, возрастают иные издержки, известные экономистам как агентские. Любой агент так или иначе заинтересован в том, чтобы улучшить свое материальное положение за счет принципала (человека или организации, от имени которого или которой он предположительно действует). Когда недоступна надежная информация об относительных ценах, вышестоящие сталкиваются с тем, что им трудно контролировать утверждения нижестоящих о том, что возможно, или даже о том, что происходит. Когда информационные и агентские издержки высоки, решения об инвестициях принимаются под давлением совсем других стимулов, чем в режиме частной собственности, где (1) предприятия приобретают сырье на рынке в конкуренции с другими предприятиями и (2) неспособность предложить конкурентоспособный продукт по конкурентным ценам обычно оказывается роковой²⁶.

Эти различия являются главным источником экономических преимуществ системы частной собственности.

Конечно же, права собственности и патронажные отношения, как правило, сосуществуют. Даже в экономике с прочными правами собственности обычно есть ниши, в которых процветают патронажные и клиентские отношения, как, например, семейные корпорации (пока им удастся держаться на плаву) и предприятия (частные или государственные), защищенные от конкуренции. И, в свою очередь, даже такие заповедники патронажных отношений, как тиранические режимы, признают притязания на ресурсы, если претендент обладает нужной политической властью или связями. Здесь политика правит собственностью. В условиях тирании, по словам Дэвида Ландеса, «опасно быть богатым, не имея власти»²⁷.

В-третьих, необходимы свобода слова и печати, чтобы люди могли указывать на злоупотребления и упущения правительства и поднимать на борьбу с этим демократические силы.

В-четвертых, необходимо энергичное гражданское общество. Поскольку никакая мыслящая структура государства не может *сама* обеспечивать законопослушность последнего, общество должно обладать некоторой способностью противодействовать властям. Для этого нужны организации, которые в состоянии что-то реальное делать для людей (тем самым уменьшая поводы для вмешательства государства), в которых люди приучаются к самоуправлению, участию в конструктивных группах и к сплочению для отпора любым хищническим посягательствам государства.

В-пятых, и это труднее всего сформулировать, необходим подходящий склад ума. Индивидуумы – не все конечно, но по крайней мере достаточное их число, чтобы задавать тон, – должны мыслить о себе как об ответственных гражданах, имеющих определенные права; быть реалистами, а не фаталистами или утопистами; быть смелыми и прямыми, но при этом способными к компромиссу; быть готовыми создавать группы, составляющие гражданское общество,

²⁶ См.: Mancur Olson, *Power and Prosperity* (2000). Особый случай представляют собой иерархические фирмы, действующие в конкурентной среде. Они менее подвержены крайним формам упадка в силу конкуренции на рынках капитала и на товарных рынках. Иерархические фирмы, обслуживающие клиентов хуже, чем малые предприятия, будут вытеснены из бизнеса, если только экономия на масштабах производства не позволит им компенсировать более высокие агентские издержки; если же руководство иерархической фирмы не сможет как следует контролировать отлынивающих от дела агентов, то фирма будет захвачена рейдерами, а руководители слетят со своих должностей.

²⁷ David Landes, *The Wealth and Poverty of Nations* (1998), 398.

и быть терпимыми к людям, разделяющим другие идеи и интересы. Помимо всего прочего, Столыпин надеялся укрепить подобный склад ума.

В пользу либеральной демократии существует много аргументов, но один стоит отметить особо. Люди наделены непреодолимой тягой одновременно к соперничеству и сотрудничеству, к скупости и щедрости. Им свойственна страсть к доминированию, к демонстрации превосходства, к знакам отличия и почестям, и к творчеству (или к репутации творческого человека). Для примирения всех этих внутренних противоречий либеральная демократия предоставляет лучшие возможности, чем любая другая система организации общества. Она отваживает людей от захвата чужого добра (как это принято у воинственных племен) и от манипулирования родственными или другими связями (как в патронажных культурах), направляя их усилия на производство благ и услуг, которые нравятся другим. Как сказал Сэмюэл Джонсон, «очень мало занятий столь же невинных, как добывание денег». Но этот афоризм верен, только когда собственность защищена и преобладает рынок. В обществе, где люди «добывают деньги» насилием или обхаживанием вышестоящих в пищевой цепочке элит, нет оснований полагать, что добывание денег – это занятие невинное или производительное.

Права собственности, гражданское общество и либеральная демократия

Начатые в 1906 г. реформы прав собственности непосредственно культивировали «либеральный» аспект либеральной демократии, т. е. систему прав и отношений, в которых люди находят свои ниши в частном порядке, где люди взаимодействуют между собой как свободные граждане, где ресурсы распределяются преимущественно через рынок, а граждане вольны создавать группы для достижения общих целей (включая не только благотворительные организации, но и товарищества, кооперативы и корпорации).

Система коллективизированных прав крестьян на наделы серьезно противоречила либерализму. В сравнении с личной собственностью здесь предоставлялось меньше возможностей для личной инициативы. Права были неопределенны, а отношения землевладельцев запутаны. Человек не мог просто так выйти из общины со своей собственностью (или даже без нее). Все это препятствовало развитию отношений, основанных на том, что каждая из сторон имеет независимые представления о собственном благе, но при этом признает также, что другие свободны не присоединяться или не участвовать.

Права собственности, созданию и укреплению которых способствовали столыпинские реформы, были напрямую связаны с либерализмом, но косвенно стояли в связи и с «демократическим» аспектом либеральной демократии. Во-первых, если сутью либеральной демократии является широкая децентрализация власти, то широкое распространение частной собственности является сутью этой сути. Частная собственность позволяет владельцу самому судить о том, как использовать производительные ресурсы. Как уже было отмечено, при альтернативной системе распределения власти, основанной на принципе иерархии или патронажа, власть оказывается относительно концентрированной. Даже если взять демократические выборы, где избиратели имеют возможность избрать команду, которая будет принимать тысячи решений в следующие несколько лет, они не создают реального рассредоточения власти – разве что в ограниченном смысле, поскольку соперничество между партиями на выборах обеспечивает некоторое рассредоточение власти в политическом классе. Помимо того, что частная собственность *непосредственно* дает собственникам возможность принимать независимые решения в качестве производителей и потребителей, она же открывает политическим предпринимателям доступ к широкому кругу независимых источников содействия, что дает им возможность предложить большее разнообразие вариантов, а это увеличивает власть избирателей.

Во-вторых, права собственности и либерализм способствуют росту производительности, что облегчает поддержание либеральной демократии. Когда прилив поднимает все лодки, моряки менее склонны к мятежу.

Наконец, многие буржуазные добродетели, которых требует и которые воспитывает рыночная экономика, идеально соответствуют тем, в которых нуждается здоровый демократический процесс – в умении договариваться о взаимовыгодных решениях, ведь главное наступательное и оборонительное оружие каждой стороны – это способность найти другого партнера для сделки, что в равной мере относится как к покупателям, так и к продавцам товаров и услуг. Уважение к правам других и их защита – это общая почва либерализма и того рода устойчивой демократии, в которой люди, занимающие высокие должности, безропотно покидают их, потерпев поражение²⁸.

²⁸ См.: Christopher Clague, Philip Keefer, Stephen Knack, and Mancur Olson, "Property and Contract Rights in Autocracies and Democracies," in *Democracy, Governance, and Growth*, eds. Steven Knack, et al. (2003), 136, 173.

Разумеется, если гражданское общество не будет обуздывать хищничество, частная собственность окажется чрезвычайно уязвимой, поскольку правящие элиты легко смогут отмахнуться от нее или подорвать ее независимость. Гражданское общество обеспечивает надежность прав групп, владеющих производительной собственностью. Его эффективность отчасти зависит от способности групп к самоорганизации. Маркс отметил, что это проблема для крестьян, поскольку слабость их рыночных позиций подрывает их способность защищать себя политическими средствами: «Парцельные крестьяне составляют громадную массу, члены которой живут в одинаковых условиях, не вступая, однако, в разнообразные отношения друг к другу. Их способ производства изолирует их друг от друга, вместо того чтобы вызывать взаимные сношения между ними... Каждая отдельная крестьянская семья почти что довлеет сама себе, производит непосредственно большую часть того, что она потребляет, приобретая таким образом свои средства к жизни более в обмене с природой, чем в сношениях с обществом... Поскольку между парцельными крестьянами существует лишь местная связь, поскольку тождество их интересов не создает между ними никакой общности, никакой национальной связи, никакой политической организации, — они не образуют класса. Они поэтому неспособны защищать свои классовые интересы от своего собственного имени, будь то через посредство парламента или через посредство конвента»²⁹.

Современной иллюстрацией положения Маркса может служить способ, каким во многих странах Африки и Латинской Америки правящие элиты вводят регулирование цен на продукцию тех, кого Маркс назвал «парцельными крестьянами», с целью изъятия значительной части их дохода в пользу горожан. Исключением является только Кения, где крупные фермеры сумели заручиться достаточной политической поддержкой и защитили не только самих себя, но и мелких крестьян³⁰. В связи со столыпинскими реформами возникает вопрос: смогли бы крестьяне подобным же образом защитить новые для них права собственности.

²⁹ Маркс К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 8. С. 207. Цит. по: Moeletsi Mbeki, "Underdevelopment in Sub-Saharan Africa: The Role of the Private Sector and Political Elites," CATO Foreign Policy Briefing No. 85 (April 15, 2005). Маркс сравнивает крестьян с пролетариями, но сказанное им дает возможность сравнить их и с фермерами, действующими в рыночном окружении и имеющими возможность превратиться в буржуазию, в способности которой защищать свои классовые интересы Маркс, конечно, никогда не сомневался.

³⁰ Daron Acemoglu, Simon Johnson, and James Robinson, "Institutions as the Fundamental Cause of Long-Run Growth" (National Bureau of Economic Research Working Paper 2004), будет опубликована в *Handbook of Economic Growth*, eds. Philippe Aghion and Steve Durlauf, 55–58.

Пути перехода к либеральной демократии

По вопросу о достижимости либеральной демократии существуют разные мнения. Оптимистическую точку зрения представляет Френсис Фукуяма, из работы которого «Конец истории» следует, что несомненное превосходство либерализма в решении социально-экономических проблем должно быть достаточным для его победы. Но этот оптимизм, по крайней мере в его безоговорочной форме, сталкивается с очевидной проблемой: во многих странах либеральная демократия еще не восторжествовала.

Быстрой или легкой победе либеральной демократии препятствует именно тот факт, что, в отличие от всех известных альтернатив, это система чрезвычайно распыленной власти. Для того, чтобы она победила вследствие простого указа сверху, потребовалось бы поразительное самопожертвование со стороны власть имущих. Как сказал Фредерик Дуглас, «вся история расширения человеческой свободы показывает, что все уступки, сделанные в ответ на ее царственные притязания, были добыты в честном бою... Власть ничего не уступает без настойчивого требования»³¹. Отсюда следует неприятная асимметрия.

Тиран вроде Сталина может повернуть демократическое развитие вспять, но очень трудно вообразить антипода Сталина, самодержца, преподносящего народу на блюде либеральную демократию. Что еще хуже, талантливые самодержцы и элиты будут сопротивляться любым экономическим изменениям, которые в долгосрочной перспективе могут создать препятствия их политической власти. Так, Россия и Австро-Венгрия какое-то время противились строительству железных дорог, опасаясь возможных политических последствий, а уже сравнительно недавно в Гане Кваме Нкрума предпочел иностранных инвесторов отечественным, поскольку считал, что доморожденные капиталисты в будущем будут представлять куда большую угрозу его политической власти³².

Можно, конечно, вообразить грандиозную сделку, по условиям которой самодержец и связанная с ним элита отказываются от политического доминирования в обмен на львиную долю благ, которые принесет режим либеральной демократии. Но какие трудности стоят на пути такого соглашения! Хотя, познакомившись с результатами развития других государств, участники гипотетической сделки могут убедиться в том, что будущее процветание весьма вероятно, вряд ли они могут быть полностью уверены в том, что процветание действительно наступит, особенно если говорить об обозримом будущем. К тому же льготы и привилегии элиты не так-то легко оценить, особенно в нелиберальном обществе. Непроницаемость параметров реального положения дел сама по себе препятствует добровольному отказу от статус-кво. А важнее всего то, что когда в стране нет устоявшейся приверженности принципу верховенства права, ни самодержец, ни другие участники сделки не могут рассчитывать на то, что суд обеспечит выполнение условий договора, не доводя дела до вооруженного конфликта. Каждой стороне придется основательно дисконтировать будущие выгоды.

Не удивительно, что либеральная демократия никогда не возникала в результате обдуманных уступок благонамеренного правителя³³. Ближайшим примером обратного могли бы

³¹ Frederick Douglass, "The Significance of Emancipation in the West Indies," Speech, August 3, 1857. In *The Frederick Douglass Papers*. Series One: Speeches, Debates, and Interviews, ed. John W. Blassingame (1985), 3: 204.

³² Acemoglu, Johnson, and Robinson, 42–43, 60. См. также: *ibid.*, 70–71 о страхе Тудоров перед политическими последствиями капиталистического обогащения; см. также: Alexander Gershenkron, "Agrarian Policies and Industrialization, Russia 1861–1914," in Alexander Gershenkron, *Continuity in History and Other Essays* (1968), 145–146.

³³ Я оставляю в стороне реформы, проведенные в результате насильственной оккупации, как это было, скажем, в послевоенной Германии и Японии. Для проведения таких реформ явно нет нужды в добровольном согласии правящих элит отойти от власти. Что же касается трудностей преодоления сложившегося менталитета, о чем речь пойдет ниже, успех реформ вероятно был обусловлен, во-первых, своего рода готовностью людей (см., напр.: John P. Powelson, *Centuries of Economic Endeavour* (1994), 13–41 (Япония), 314–326 (Германия); Francis Fukuyama, *Trust: The Social Virtues and the Creation of Prosperity* (1995),

быть сами Соединенные Штаты в момент принятия конституции. Но ведь наивно видеть в акте принятия конституции *причину* триумфа свободы. Основные ингредиенты либеральной демократии существовали уже на протяжении почти двух столетий (при этом многих ключевых элементов, конечно, не хватало). Режим верховенства права функционировал по большей части вполне удовлетворительно; законы были приняты выборными законодательными собраниями колоний, действовавшими на основании колониальных хартий или уставов; на свободу слова и свободу совести никто особо не покушался, гражданское общество процветало³⁴. Творцы конституции считали необходимым соединить штаты в «более совершенный союз», обуздать чрезмерный популизм и укрепить защиту от иностранных держав. Если не считать ряда изменений, внесенных в сложившуюся в колониях практику (зафиксированное законом ограничение государственной власти, несменяемость судей и закрепление права устанавливать налоги за конгрессом), они исходили по большей части из опыта колоний³⁵. Разве мы обрели свободу потому, что у нас была (хорошая) конституция? Или вернее будет сказать, что мы обрели конституцию, потому что были свободны? Последнее представляется более правдоподобным³⁶, особенно если сравнить наш опыт с опытом десятков других стран, имеющих превосходные конституции, но мало свободы.

Дуглас Норт попытался систематизировать препятствия на пути к либеральному обществу, используя ряд ставших принятыми микроэкономических концепций³⁷. Во-первых, раз уж мы отбросили надежду на то, что правящая элита сама откажется от власти, любое изменение может достаться только ценой оплаты транзакционных издержек: издержек, которые мешают сторонам договориться о сделках, перераспределяющих права таким образом, что при этом увеличится совокупное благосостояние сторон. Примером может служить рассмотренная выше гипотетическая сделка с обменом самодержавия на либеральную демократию. Она натывается именно на такого рода издержки – на отсутствие надежной информации о будущих выгодах, на неспособность достоверно оценить стоимость существующих привилегий, на отсутствие уверенности в том, что удастся принудить другую сторону к соблюдению условий соглашения, и на стратегическое маневрирование каждой стороны в целях закрепления за собой как можно большей выгоды.

Во-вторых, то, что мы можем нестрого назвать экономией от масштаба, оказывается препятствием для предельных проектов [*incremental ventures*], позволяющих новым участникам (здесь: новым формам политической экономии) конкурировать на институциональном рынке. Здесь термин «экономия от масштаба» используется в широком смысле и включает в себя все методы, ведущие к тому, что увеличение масштаба улучшает соотношение между стоимостью предоставления товаров или услуг (в данном случае услуг власти) и получаемыми выгодами. Таким образом, более широкое определение добавляет увеличение выгод при росте масштаба: повышение выгоды (на единицу издержек), как в случае сетевых эффектов. Принцип

53–54, 166–167, 175–176, 182–183 (Япония), 204–205, 207, 210 (Германия)) и, во-вторых, тем, что Вторая мировая война сделала полностью нелегитимными фашистские элиты, развязавшие войну. Ср.: Mancur Olson, Jr., *The Rise and Decline of Nations* (1982). [Олсон М. Возвышение и упадок народов. Экономический рост, стагнация, социальный склероз. Новосибирск: ЭКОР, 1998.]

³⁴ См.: Gordon S. Wood, *The Radicalism of American Revolution* (1991) (здесь рассматривается процесс, в результате которого в XVIII в. гражданская республиканская идеология частной собственности и представительного правления вытеснила патримониализм и в конце XVIII – начале XIX в. проложила путь к либеральному рыночному обществу. [Патримониализм – форма политического господства или политической власти, основанная на «личной» и бюрократической власти. – *Ред.*])

³⁵ См.: Steven Calabresi, “The Historical Origins of the Rule of Law in the American Constitutional Order,” *Harv. J. of Law & Public Policy* 28 (2004): 273–280.

³⁶ Douglas C. North, *Institutions, Institutional Change and Economic Performance* (1990), 59–60, 101–104. [Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Начала, 1997. С. 83, 130–133.]

³⁷ См.: North, *Institutions*. [Норт Д. Институты.] См. также: John V.C. Nye, “Thinking About the State: Property Rights, Trade, and Changing Contractual Arrangements in a World with Coercion,” in *Frontiers of the New Institutional Economics*, eds. John N. Drobak and John V. C. Nye (1997), 121–142.

верховенства права явно обеспечивает подобную экономию: с увеличением масштаба не только падают (до определенного предела) удельные издержки независимого суда, но и выгоды возрастают более чем пропорционально. Чем шире сфера действия принципа верховенства права, тем шире и разнообразнее круг тех, с кем предприниматель может заключать надежные долгосрочные соглашения. В США, естественно, федерализм и локализм делают возможными новаторские инициативы в области политической экономии и на местном уровне. Но авторитарные режимы никогда не предоставляют подобных возможностей, и в любом случае верховенство права в небольшом изолированном политическом образовании даст лишь малую часть потенциальных сетевых выгод.

Наконец, Норт придает особое значение тому, как прошлый опыт воздействует на переработку информации экономическими агентами. Привычки, сформировавшиеся в обществе, в котором люди рассчитывают, что в случае чего их защитят связи с высокопоставленными покровителями, оказываются бесполезными там, где безопасность опирается на частную собственность и верховенство права. Неадекватность прошлого опыта новым условиям мешает понять устройство другого общества, сформировать верные ожидания относительно возможных действий других людей и соответствующим образом направить собственные усилия³⁸. Таким образом, хотя конвульсивные революции *могут показаться* способом обойти другие трудности, они не оправдывают ожиданий, потому что послереволюционные режимы обычно складываются по образцу дореволюционного авторитаризма.

Норт обобщает свою концепцию идей зависимости от предшествующего пути, заимствованной из области микроэкономики. Когда на рынке утверждается некая конкретная технология, эффект от масштаба (и в этом случае широко понимаемый и непременно включающий сетевые эффекты) закрывает возможности развития даже более совершенных альтернатив. Возьмем актуальный пример: поскольку на рынке почти безраздельно господствует операционная система Windows, программисты, разрабатывающие новые прикладные программы, заинтересованы в том, чтобы писать их под Windows, потому что программы, написанные под любую другую операционную систему, окажутся гораздо менее прибыльными, даже если работать будут с заметно большей эффективностью. Таким образом, поскольку Windows опередила всех на старте и практически захватила рынок, на нем очень трудно утвердиться новой операционной системе. Так же обстоит дело и с политическими предпринимателями, продвигающими систему политической экономии, которая требует новых навыков ума и превосходство которой стабильно возрастает по мере увеличения масштаба. Преобразование нелиберального режима в либеральный представляет собой куда более трудную задачу, чем вытеснение с рынка операционной системы Windows.

Поскольку свободу нельзя получить от правящих элит в подарок или в обмен на будущие выгоды, разумнее рассматривать ее как результат постепенного процесса, в котором группы с невысоким общественным статусом постепенно обретают силу, способную принудить власть к уступкам и договоренностям. Процесс может начать небольшая группа вроде баронов, которые заставили короля Иоанна Безземельного подписать в Раннимиде Великую хартию вольностей, и постепенно к нему будут присоединяться другие сегменты общества, как это происходило в ходе Столетней войны и Славной революции 1688 г., когда заключались всё новые соглашения между парламентом и королем. Эти соглашения существенно ограничили власть монарха, в результате чего король получил право собирать налоги только с согласия парламента, и постепенно всё более широкие классы собственников получали надежную защиту от мародерских замашек короны³⁹. Нечто очень похожее происходило в Голландии. В обеих странах беспре-

³⁸ См.: Paul Pierson, "Path Dependence, Increasing Returns, and the Study of Politics," *American Political Science Review* 94 (2000): 251–266.

³⁹ Классическое описание этого процесса см. в Douglass North and Barry Weingast, "Constitution and Commitment: The Evolution of Institutions Governing Public Choice in Seventeenth-Century England," *Journal of Economic History* 49 (1989): 803–

пятственный доступ к торговле сделал возможным возвышение купечества, которое, набрав силу, в союзе с землевладельцами ограничило притязания монархии⁴⁰. В своем очерке мировой экономической истории (John Powelson, *Centuries of Economic Endeavor*) Джон Пауэлсон отмечает сходный процесс распыления власти в результате возвышения прежде бессильных групп, формирующих горизонтальные союзы и договаривающихся с властвующей элитой о дополнительных свободах.

Этой истории можно придать и совсем уж мрачный вид, если припомнить случайные факторы, сыгравшие ключевую роль в успехе либеральной демократии: наследие древнегреческих городов-государств; грубая демократичность и индивидуализм скандинавских завоевателей; разделение власти между церковью и государством; особенности протестантизма; география, побуждавшая европейские страны к соперничеству, но препятствовавшая их слиянию в рамках мощной империи, и т. п. Аналитики выделили и столь же случайные обстоятельства, воспрепятствовавшие движению к либерализму. Например, был выдвинут весьма правдоподобный аргумент, что рост экономической свободы на Ближнем Востоке прекратился из-за ряда вроде бы малозначительных обстоятельств – эгалитарного правила наследования в равных долях, квазиблаготворительного институт вакфов⁴¹ и отсутствия в традиционном праве места для корпоративной организации⁴².

Если подходить к делу более оптимистично, превосходство либеральной демократии над альтернативными режимами никогда не было столь значительным, как в наши дни. Предприниматели имеют возможность производить перемены, соединяя интеллектуальные, природные и финансовые ресурсы, разбросанные по всему миру, при этом они зачастую используют форму сложных, широкомасштабных и долговременных предприятий – но все это возможно только в условиях верховенства права. Пожалуй, никогда прежде принцип верховенства права не давал столь высокой отдачи⁴³.

Наконец, вопрос о складе ума решается «каскадной» теорией, утверждающей, что люди обладают немалой, хотя здесь много разнообразия, склонностью подстраиваться при выражении своих мнений под принятые или преобладающие вокруг них, иногда из страха перед государством, но чаще просто из нежелания выделяться. Когда преобладающая точка зрения перестает соответствовать реальности, вначале лишь немногие берут на себя риск бросить вызов ортодоксии. Но с каждым новым открыто выступившим риск показаться чудачком уменьшается, так что уже и чуть менее смелым людям становится легче высказываться. И так далее. Если изменение точек зрения, критически важных для успеха либеральной демократии, происходит таким же образом, тогда не столь уж трудно провести необходимые изменения.

В любом случае, если Норт прав (а его анализ вроде бы исходит из весьма реалистичного понимания человеческой природы), то столыпинские реформы можно рассматривать как аномалию. Они явно не были непосредственным ответом на требования крестьян о приватизации их земельных наделов. Царь и поддерживавшие реформу слои дворянства испытывали определенное давление, но оно не было направлено на приватизацию крестьянских наделов. Тем не менее они приступили к приватизации, и это решение в значительной мере было добровольным. Получается, что эти реформы представляли собой тот редкий случай, когда правящие элиты добровольно ослабляют себя тем, что наделяют других защищенной законом частной собственностью? Или это было жульничество, т. е. частная собственность была передана, а

832. См. также North, *Institutions*, 112–115. [Норт. Институты. С. 145–149.]

⁴⁰ Acemoglu, Johnson, and Robinson, 66–72.

⁴¹ Имущество, отданное на религиозные и благотворительные цели, не отчуждаемое и не облагаемое налогами. – Прим. перев.

⁴² Timur Kuran, “Why the Middle East is Economically Undeveloped: Historical Mechanisms of Institutional Stagnation,” *J. of Econ. Perspectives* 18, no. 3 (Summer 2004): 71–90.

⁴³ См.: Nye, 121–142.

сопутствующий доступ к политическому влиянию, необходимому для ее защиты, предоставлен не был? Или, возможно, это пример реформ, не открывающих прямого пути к либеральной демократии, но только лишь закладывающих семена будущих преобразований?

Либерализация прав собственности в царской России

В 1906 г. государство Российское не было либерально-демократическим, хотя, пожалуй, оно было не столь уж далеко от этого идеала, как принято думать. В начале июля 1906 г., когда Столыпин стал премьер-министром, Российская империя жила в соответствии с Основными государственными законами (примерный аналог конституции), которые царь Николай II провозгласил 23 апреля 1906 г. под воздействием революции 1905 г. Этот закон создал законодательное собрание (Думу), избранное на основе избирательного права пусть и не совпадающего с идеалом «один человек – один голос», но по крайней мере гарантировавшего, что все существенные интересы были представлены – впервые в истории России. Однако этот закон оставил исполнительную власть в руках царя и его министров (не подотчетных Думе), а также оставил царю определенные законодательные полномочия. Даже там, где Дума могла проявлять законодательную инициативу (совместно с невыборным Государственным Советом), на ее решения могло быть наложено царское вето, которое, однако, можно было преодолеть. Хотя постоянные судьи назначались пожизненно, некоторые политические преступления находились в юрисдикции административных органов, а не судов, а судебные решения Сената, гибридного судебноподотчетного органа власти, во многих случаях осуществлявшего роль высшей судебной инстанции, могли быть отменены царем⁴⁴. Хотя и можно сказать, что правительство Российской империи медленно продвигалось от самодержавия к конституционной монархии, путь ему предстоял неблизкий.

Это что касается несовершенства представительной демократии. Либерализм, если следовать моему определению, также был недоразвит. Отчасти это было связано с недоразвитостью крестьянских прав собственности на наделенную землю, которая составляла подавляющую часть принадлежавших крестьянству земель и примерно половину всех сельскохозяйственных земель страны⁴⁵. Гражданское общество было слабым, хотя уже вовсю действовали всевозможные союзы и ассоциации. Другие права собственности, не относившиеся к наделенной земле, также были слабы; бизнес зачастую сильно зависел от государственных подрядов, разрешений, ассигнований и покровительства.

Возможно, именно православие сделало господствующий образ мыслей более враждебным к либеральной демократии, особенно в сочетании со склонностью некоторых русских подчеркивать отличия от Запада. «Славянофильская идеология, – пишет специалист по капиталистическому развитию России в XIX в., – всегда порицала легализм и его последствия – частную собственность, политический либерализм, конституционное правление и индивидуализм – как чрезмерно безличные и чуждые духу православия, приверженного идеям смирения, соборности и подчинения народа мудрому правлению самодержавного царя»⁴⁶.

Столыпин занял пост премьер-министра именно в тот момент, когда царь – с согласия Столыпина – распустил первую Думу. Она была распущена в строгом соответствии с законом, но по причинам, которые не сулили ничего хорошего либеральной демократии. Оказалось, что невозможно придумать такого законодательного предложения, затрагивающего положение крестьянства, которое оказалось бы приемлемо и для царя, и для любого мыслимого большинства Думы. В Думе невозможно было составить большинство, которое согласилось бы открыть крестьянам доступ к тому, что, с нашей точки зрения, представляет собой всего лишь обычные права собственности на землю.

⁴⁴ George L. Yanee, *The Systematization of Russian Government* (1973), 327. См. также: *ibid.*, 205–220, 237, 250–251, 259–260, 301–302, 382). К числу «постоянных» судей не относились судьи волостных судов, о которых речь будет ниже, и члены самого Сената.

⁴⁵ См.: Geroid T. Robinson, *Rural Russia Under the Old Regime* (1969), 268.

⁴⁶ Thomas C. Owen, *Dilemmas of Russian Capitalism: Fedor Chizov and Corporate Enterprise in the Railroad Age* (2005), 198.

Крестьянские представители – социалисты-революционеры (эсеры) и поддерживавшие их трудовики – стремились к масштабному перераспределению земли, точнее говоря, к тому, чтобы все частные сельскохозяйственные земли, не принадлежавшие крестьянам (а в 1905 г. таковые составляли половину крестьянских земель), были разделены между крестьянами⁴⁷. Но если бы их идеи восторжествовали, крестьяне не получили бы защищенных прав собственности и в стране не сформировался бы обычный рынок земли. В любом случае никакой компенсации за отнятую землю прежним владельцам не предполагалось.

Господствующей в Думе партией были конституционные демократы, или кадеты, которых не без оснований считали «цветом русской интеллигенции»⁴⁸

⁴⁷ Robinson, 268–269. Если оставить в стороне государственные земли и земли царской семьи, значительная часть которых была сравнительно непригодна для хозяйственной эксплуатации, крестьянство владело примерно 63 % сельскохозяйственных земель, а некрестьянской частью владели все остальные. Более подробно об этом см. в гл. 3. К 1914 г. преобладание крестьянской земельной собственности существенно усилилось. См.: Robinson, 270–272. По ряду причин результаты расчетов у разных авторов не сходятся, но можно считать, что крестьянские владения выросли до 170,5 млн десятин, а некрестьянские (учитывая те же самые категории не крестьянских собственников, что и в расчетах за 1905 г.) сократились до 71,3 млн десятин, т. е. соотношение стало 70 % и 30 %. За период 1907–1914 гг. ссуды Крестьянского банка на выкуп крестьянами земли у дворян позволили крестьянам купить примерно 19,5 млн десятин. George L. Yaney, *The Urge to Mobilize: Agrarian Reform in Russia, 1861–1930* (1982), 159. Дороти Аткинсон [Dorothy Atkinson, *The End of the Russian Land Commune, 1905–1930* (1983), 83–84] приводит примерно те же цифры.

⁴⁸ Дякин В. С. Был ли шанс у Столыпина? // Государственная деятельность П. А. Столыпина: сборник статей / Отв. ред. Н. К. Фигуровская и А. Д. Степанский. 1994. С. 18.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.